

Почему тоска — зеленая?

В статье рассмотрена история слов, ставших в русском языке устойчивым словосочетанием. Выявлены причины и условия перехода словосочетания в разряд устойчивого, предложена его этимология.

Ключевые слова: цветообозначения; устойчивое словосочетание (фразеологизм); славянские языки; памятники письменности; синонимический ряд; русские народные говоры; спектр значений; словообразовательное гнездо.

Andrey V. Barandeev

Why is the bore green?

The history of words that became the standard collocation in Russian language is considered. The reasons and conditions of the transit of a word combination in the category of collocations are educed.

Key words: colour naming; standard collocation (phraseological unit); Slavonic languages; literary texts; synonymic row; Russian vernaculars; spectrum of values; family of words.

Истории цветообозначений в русском языке посвящена разноаспектная специальная литература. Автор одного интересного и весьма содержательного исследования заметил: «Мы не считаем возможным рассматривать вторичные значения, развивающиеся у многих слов-цветообозначений. Например, история слова *белый* (а также *черный*, *желтый*, *зеленый*) рассматривается очень бегло, поскольку его “история” как цветообозначения <...> закончилась ко времени начала нашей письменности» [Бахилина 1975: 6–7]. Однако история прилагательного *зеленый* все-таки не закончилась, поскольку оно продолжало

жить в языке, войдя в состав устойчивого словосочетания *тоска зеленая*.

Прежде чем войти в состав словосочетания, каждое из этих слов развивалось и функционировало в русском языке по-своему. Слово *тоска* восходит к праславянской форме **tǫska*, в которой редуцированный звук [ъ] изменился в [о]. В свою очередь праславянская форма восходит к индоевропейской основе **tūs-sk-*, возникшей на базе **teus-* “опорожнять, делать пустым, осушать”. Индоевропейская основа отражена и в словах *тощий*, *тищета*, *тщательный* (ср. типичное для русского языка историческое чередование *ск//щ*: *треск* — *трещать*). Этимологи предполагают, что старшим значением у индоевропейской основы было “давление, теснота”, перешедшее впоследствии в значение “ощущение беспомощности, волнение” [Черных (б) 1975: 253].

Лексема *тоска* и другие слова с этим корнем известны в большинстве славянских языков: укр. *то́скно* “тоскливо”; белор. *тоскініць* “тосковать, печалиться”; чешск. *steska* “тоска”; чешск. и словацк. *tesknota* “тоска”; др.-польск. *teskny*, *teskliwy* “тоскливый” и т.п. Однако в болгарском языке в значении “тоска” употребляются слова *тъга* (ср. русск. *тужить*) и *мъка* — эта семантика отражена и в производных образованиях *тъжен* “тоскливый”, *тъгувам* “тосковать”; *тъжно*, *мъчно* “тоскливо”.

Андрей Васильевич Барандеев, кандидат филологических наук, преподаватель вуза, председатель Топонимической комиссии

E-mail: abarandeev@mail.ru

Московское городское отделение, Русское географическое общество

Новая площадь, д. 10, стр. 2, Москва, 109012, Россия

The Moscow city branch of Russian geographical society

10, bldg 2, New square Moscow, 109012, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Барандеев А.В. Почему тоска — зеленая? // Русский язык в школе. — 2018. — № 3. — С. 63–68. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-3-63-68.

Аналогично в сербскохорватском языке: *ту́га* “тоска, грусть, печаль”; *тугова́нка* “песня печали”; *тугова́н* “тяжелый, печальный, грустный”; *туговати* “грустить, тосковать, горевать”.

В памятниках письменности русского языка слово **тѣска** = **тоска** известно с древнейшей поры. Например, И.И. Срезневский выделил у этого слова значение “стеснение, притеснение” на основании доказательной цитаты из переводного памятника письменности XI в.:

Съ ними колико время живаше, толикою тѣскою одержим.

Также были отмечены аспекты (оттенки) значения данного слова: “горе, печаль; волнение, беспокойство” и употребление однокоренных образований **тѣскнѣти**, **тѣскнѣ** “быть удрученным” [СДРЯ (б) 1989: 1057]. Примечательно, что значение “стеснение, притеснение”, выделенное И.И. Срезневским у слова **тѣска**, было уже этимологически предположительно (со знаком?) представлено В.И. Далем как связь с глаголом *теснить*. Значение слова *тоска* раскрыто лексикографом с помощью серии синонимов-толкований “стеснение духа, томление души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь”. Употребление слова в составе словосочетаний иллюстрировано всего двумя примерами: *тоска бешаная*, *тоска злая* [Даль 1866: 385–386].

Исторические словари русского языка расширили источниковедческую базу для историко-лексикологических разысканий, что позволяет получить более полное представление об истории слова *тоска*. В одном из таких словарей предложена следующая трактовка значений: 1. “стеснение, притеснение”; 2. “горе, печаль; уныние”; 3. “болезнь, связанная с чувством внутренней сдавленности, сжатия (типа стенокардии)”; 4. “тошнота, отвращение”. Второе из указанных значений иллюстрировано весьма интересным примером из «Слова о полку Игореве»:

А встона бо, братие, Киевъ тугоу, а Черниговъ напастыми, тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Руский [Сл. РЯ XI–XVII вв. (б) 2015: 68–69].

Слово *тоска* здесь входит в синонимический ряд *туга* – *тоска* – *печаль*, что свидетельствует о расширении его

семантических связей с другими словами. В XVI–XVII вв. словообразовательное гнездо с корнем *тоск-а* пополнилось новыми образованиями: *тоскование* “печаль, сетование”; *тоскота* “недомогание”; *тоскливый* “скучный, ничем не оживляемый”; *тосковати* “грустить, тосковать; недомагать”; *тоскливо* “грустно, скучно” [Сл. РЯ XI–XVII вв. (б) 2015: 68–69].

Естественно, что в русском языке последующего времени и в языке русской художественной литературы слово *тоска* получило широкое распространение как обозначение особого душевного состояния человека. Например, такое состояние весьма характерно для героев произведений Ф.М. Достоевского. В романе «Бедные люди» Варвара Доброселова говорит:

А дома у нас по целым дням была страшная тоска и скука; Мною овладела досада, тоска и какое-то бешенство [ФМД 1982: 56, 66].

Интересно, что в русских народных говорах слово *тоска*, обладая обширным спектром значений, употребляется, прежде всего, в составе устойчивых словосочетаний:

Тоска́. 1. В сочетаниях. ◇ В тоска́х (быть). Тосковать, скучать. *Дома-то в тосках Иван, тошно ему, вот он и рвется на базар, на люди.* ◇ Даться в тоскѹ. Загрустить, опечалиться. *Жена померла, дак он дался в тоску, шибко затосковал.* ◇ Тоску отдать. Избавиться от тоски. *Куда бежать, тоску отдать? ~ Тоской изойти.* Предаться безысходной тоске. *Выстроили казачек, глянешь – тоской изойдешь.*

2. Смыть (унять) тоскѹ. В похоронном обряде – обычай мыться в бане родственников умершего (после поминок), чтобы смыть скорбь по нему <...>. 1 Совершать очистительные обряды, связанные с покойником: бросать платок со слезами в могилу, а придя домой, греться около печки.

3. Свадебный обряд, в котором невеста под вечер угощает всех участвующих «в тоске» жениховыми подарками.

4. Мучение, боль. *Спаси от страшной болезни и тоски антонова огня* (заговор).

5. Затруднение; трудная работа. *А кирсановски пески и задали нам тоски.*

6. Фольк. Жалость.

7. Тоска-забота. Пустяки, мелкая неприятность. *Ну, тоска-забота! Пустяки, не стоит и думать* [СРНГ (б) 2011: 294–295].

Весьма выразительны по смысловому содержанию и прилагательные данной тематической группы, употребляющиеся в русских народных говорах:

Тоскли́вый. 1. Склонный к тоске. *Ты, как я погляжу, человек тоскливый.*

2. Постоянно скучающий (по дому). *До чего тоскливый он был: уедет и ждет субботы или каникул, когда домой.*

3. Печальный.

4. Заботливый, заботящийся о ком-л.

5. Надоедливый (о человеке).

Тоскови́тый. Ядовитый, неприятный на вкус, вызывающий неприятное ощущение в горле (о пище). *Квасоль [фасоль] сварить в одной воде — тосковатая, неприятная, слащавая делается, в ней яд.*

Тоско́вый. Вызывающий тоску, скорбный, печальный. *Миленкий, помру сей год. А тебе — тосковый гроб, Постоишь и порыдаешь У моих холодных ног (частушка).*

Тосколи́вый. 1. Исполненный тоски, скуки (о времени). *Сейчас еще какое-то время скучное, тосколивое.*

2. Испытывающий чувство тоски, скуки (о человеке). *Я вот такая-то тосколивая, без делов сидеть нет терпенья.*

3. Вызывающий неприятные, болезненные ощущения. *Температура бывает, она [болезнь] такая тоскливая, тошно, мечешься.* | Неприятный на вкус, вызывающий тошноту (о пище). *Свежая рыба тосколивая (от нее тошнит)* [СРНГ (б) 2011: 295–296].

Приведенные примеры, конечно же, не исчерпывают всех случаев употребления образований, производных от корня *тоск-*а в русских народных говорах.

В современном русском языке прочно закрепилось употребление слова *тоска* в значении “душевное состояние, связанное с томлением, тревогой, грустью, унынием, упадком сил, скорбью и другими переживаниями”. А почему же *тоска* — *зеленая*?

Это прилагательное-цветообозначение восходит к праславянскому образованию **zelenъ*, **zelenъjъ* с корнем **zel-* и суффиксом *-en-*. Данное образование включает индоевропейский корень **g'hel-* с комплексом древних синкретических значений “желтый (золото); зеленый (зелье); синий; серый (зола)” [Черных (а) 1994: 322–323]. Этот корень отражен в языках индоевропейской семьи: лат. *helkus* “желтоватый”; литовск. *žalias* “зеленый”, *želti* “зеленеть”; латышск. *zelt* “зеленеть”; др.-прусс. *saligan* “зеленый”; англ. *yellow* “желтый”; нем. *gelb* “желтый”. В современном понимании *зеленый* — это цвет свежей травы, молодых листьев и т.п., а в спектральном отношении — средний между желтым и синим.

Достаточно отчетливо лексема *зеленый* и однокоренные образования представлены

в славянских языках: ст.-сл. **зеленъ** (**-ын**), укр. *зелений*, белор. *зялёны*; чешск. и словацк. *zelený*, польск. *zielony*, *zieleni* “зеленый цвет, растительность”, в.-лужицк. и н.-лужицк. *zeleny*; болг. *зелѣн* (цвят), сербскохорв. *зелен* “зеленый, незрелый” и омоним *зелѣн* “зелень, овощи”, словенск. *zelen*. Весьма примечательно, что устойчивые сочетания, синонимичные *тоске зеленой*, известны, например, в болгарском (*сѹка нетърпѹма, непоносѹма*), чешском (*příšerná nuda, otrava* “скука страшная”) и польском (*nudy na pudy* “тоска смертная”) языках.

В памятниках письменности русского языка прилагательное *зеленый* представлено в двух значениях: 1. “зеленый”. Зелено вино — “водка, плохо очищенная; сивуха”, а также в сочетаниях типа *зеленая каша, зеленая медь, зеленая патока* и др.; 2. “неспелый, недозрелый”. Весьма примечателен пример из памятника письменности XII–XIII вв., свидетельствующий об употреблении этого прилагательного в составе устойчивого словосочетания (фразеологизма) *зависть зеленая* в значении “острое, едкое чувство зависти”. О фразеологизации словосочетания свидетельствует необычный для русского языка порядок слов, отражающий актуализацию определения: определяемое слово + определение вместо обычного определение + определяемое слово:

<...> нъ нѣсть зависти зеленая, яко же бо чрьвъ в ѣрдце дубу ѣды... [Сл. РЯ XI–XVII вв. (а) 1978: 370].

В древнерусском языке наряду с обычным порядком слов в таких конструкциях известен и обратный порядок, отраженный, например, в характеристике рек:

ходовая река — “судоходная”, *тяглая река* — “река с сильным течением, пригодная для строительства мельниц”, *река голодная* — “без рыбы”, *реки бобровые* — “место охоты на бобров”, *река копаная* — “канал, арык” и т.п.

Как видим, уже в древнейший период истории русского языка прилагательное *зеленый* в составе устойчивого словосочетания приобрело отрицательную семантику. Этому могло способствовать и влияние слова **зелѣн** = **зельѣ** = **зѣланѣ**, входящего в то же словообразовательное гнездо с корнем *zel-* и обладающего, по мнению И.И. Срезневского, наряду с основным значением “злак” оттенками

значения “лекарство; отравя; порошок” [СДРЯ (а) 1989: 969–970]. Современный лексикографический источник указывает на употребление слова **зельник** в древнерусском языке в двух значениях: 1. *Чаще собир. Растение, трава, злак*; 2. *Снадобье из трав с пояснением | о ядах*.

И даѣа. и приемлющиѣа. дѣтоѣубнаѣа зелиѣа. оубиѣа соуѣа [Сл. ДРЯ XI–XIV вв. 1990: 368–369].

Убедительные примеры фразеологизированного употребления прилагательного *зеленый*, в том числе с негативной семантикой, встречаем у В.И. Даля в подробной словарной статье к слову *зелие*:

Зеленое вино, хлебное, в песн. и сказк. иногда просто **зеленое**. <...> *Зелено говорить*, глупо, безрассудно. *Зелено жить*, мотать. *Зелено в глазах*, помутилось, стало дурно, моркотно, нудно. <...> Он дурак прирожденный, самородковый, круглый, зеленый [Даль 1955: 677].

Обширнейший комплекс слов с корнем *зел-* представлен в сводном «Словаре русских народных говоров». Обратим внимание на смысловую близость слов, обозначающих спиртные напитки, состояние и поведение человека и выражающих отклонение от нормы в народном представлении:

Зелёная. 1. Водка. *Поллитерки зеленой взяли на каждого, под стогом и выпивали*.

2. “Наименование в Обонежье одной из двенадцати сестёр трясовиц (лихорадок)”. В *Обонежье известно тоже 12 сестёр, дев-трясовиц: знобуха, ломиха... синяя, зеленая и смертнозримая*.

Зеленить. 1. Зеленеть. *На горочке две елочки стоят и зеленают*.

2. Зеленить в глазах, очах. *Безл. Мутится от болезни, усталости и т.п. После хворобы в очах зеленил*.

Зелено и зеленó, нареч. 1. Зелено. Нехорошо, дурно. *Зелено брат заговорил*.

2. *Безл. сказ. О тяжелом физическом состоянии, дурноте. Мне что-то зелено, моркотно. ~ Зелено жить*. а) Проказить. б) “Жить и говорить со вредом себе и другим”. ~ **В глазах зелёно** (зеленó). В глазах темно, в глазах помутилось.

Зеленчак. <...> 4. Сивуха, водка.

Зеленыш. О кабаке. В загадке: *На поле-полице стоит зеленыш, в этом зеленыше хворос и болиз, смерть недалеко* (отгадка – кабак).

Зелень. <...> 8. О худом, болезненном ребенке. *Одна зелень парнишко*. 9. Чад, угар, дым, смрад. *Отворите трубу: вишь зелени-то нашло – угарите*.

Зелье. 1. Трава, сорняки, бурьян. ~ **Хватать [хватить] свое зелье**. Исполнять свой каприз, причуду, прихоть. *Околевать будет, а будет хватать свое зелье*.

Зельник. Сосуд с водкой. “Хозяин с хлебом-солью, а хозяйка с образом в руках стоят в воротах и провожают поезд. В воротах всем по стакану вина. А дружка и с собою запас этой влаги зельника два, три” [СРНГ(а) 1976: 246–254].

Подобные случаи употребления прилагательного *зеленый* и родственных ему образований отражены в русской классической литературе. Например, в «Бедных людях» Ф.М. Достоевского героиня говорит:

На вторую ночь я измучилась совершенно. По временам меня клонил сон, в глазах зеленело, голова шла кругом... [ФМД 1982: 68].

Комплекс устойчивых словосочетаний, связанных с использованием данного цветообозначения как характеристики состояния человека, представлен в старых и новых толковых и фразеологических словарях русского языка с конкретными пояснениями семантического и стилистического характера, например:

зелено в глазах (иноск.) мутно, помутилось. Ср. *Зелень у Дуни в глазах заходила*, когда услышала Таисины речи [Михельсон 1997: 341];

До зеленого змея (напиться) (простореч.) – до белой горячки, до галлюцинаций [ТСУ 1934: 1092];

ЗЕЛЕНÓ ВИНÓ. *Народно-поэт. Об алкогольных напитках. ЗЕЛЁНЫЙ ЗМИЙ*. Часто публ. Неодобр. Об алкоголе [РФ 2005: 100, 253]; и т.п.

Наряду с широко известным разговорным фразеологизмом *тоска зеленая* в русском языке менее известен книжный фразеологизм *вавилонская тоска*, обозначающий глубокую тоску и сильные переживания. Это «выражение восходит к Библии, к 136-му псалму, в котором говорится о тоске иудеев, находившихся в вавилонском плену и с плачем вспоминавших о своей родине: “На реках вавилонских тамо седохом и плакахом...”» [Там же: 695].

В современном русском литературном языке отчетливо представлены две группы устойчивых словосочетаний с прилагательным *зеленый*. Во-первых, это номинативные обозначения с положительной семантикой и нейтральной или разговорно-экспрессивной оценкой, например:

зеленый друг “лес”; *зеленая молодежь* (молодо-зелено) “еще не созревшая, не окрепшая”;

зеленый конвейер “система планомерного производства зеленых кормов и рационального их использования в кормлении животных”; *зеленый свет* “свет, разрешающий свободный проезд”; *дать зеленую улицу* “обеспечить беспрепятственный проезд транспорта” > перен. “создать особо благоприятные условия для продвижения кого-либо, чего-либо”; *зеленая волна* “автоматическая система светофорного регулирования, обеспечивающая безопасное движение городского автотранспорта”; *зеленый коридор* “система таможенного контроля для авиапассажиров, у которых нет предметов, подлежащих письменному декларированию, и сопровождаемого багажа”; Российская экологическая партия «*Зеленые*» и т.п.

Во-вторых, это ряд номинативных обозначений, «в которых слово *зеленый* вносит отрицательную оценку. Начался он с народно-поэтического выражения *зеленое вино*. Народ назвал виноградное вино по цвету продукта, из которого оно делалось. Однако вскоре, осознав вред алкоголя, его стали называть *зеленым змием*» [Гвоздарев 1988: 111]. Поясним: возможно, *змий* был назван так потому, что “жил” в бутылках *зеленого* цвета. Ассоциативно-негативная связь между алкогольным опьянением и другими видами дискомфорта человека была исторически поддержана в русском языке связью со словом *зелье* “отрава, яд” и фразеологизмами типа *зависть зеленая*, *зеленый змий*, что и отражено в выражениях *в глазах позеленело (зелено)* и *тоска зеленая*.

Впрочем, как мы убедились, в народном языке фразеологизм *тоска зеленая* употребляется для обозначения весьма древних разнообразных явлений, связанных с жизнью и смертью человека, адекватно и полно отражая народное мировоззрение.

Таким образом, анализ специфики употребления древних слов *тоска* и *зеленый* в памятниках письменности русского языка, учет их семантических и словообразовательных связей, а также особенностей употребления в русских народных говорах и литературном языке — всё это позволило приблизиться к пониманию происхождения фразеологизма *тоска зеленая*. Схема исторического развития свободного словосочетания в устойчивое такова: *зеленый цвет плодов*, пригодных для изготовления спиртных напитков > *зеленый цвет бутылочного стекла* > *зеленый змий* >

тоска зеленая (в комплексе разнообразных употреблений).

ЛИТЕРАТУРА

- Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. — М., 1975.
- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. — М., 2005 [РФ].
- Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке. — М., 2016.
- Гвоздарев Ю.А. Рассказы о русской фразеологии. Книга для внеклассного чтения учащихся старших классов. — М., 1988.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М., 1955. — Т. 1.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М., 1866. — Ч. 4.
- Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 12 т. — М., 1982. — Т. 1 [ФМД].
- Михельсон М.И. Русская мысль и речь: в 2 т. — М., 1997. — Т. 1.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. — М., 1990. — Т. III [Сл. ДРЯ XI–XIV вв.].
- Словарь русских народных говоров. — Л., 1976. — Вып. 11 [СРНГ (а)].
- Словарь русских народных говоров. — СПб., 2011. — Вып. 44 [СРНГ (б)].
- Словарь русского языка XI–XVII вв. — М., 1978. — Вып. 5 [Сл. РЯ XI–XVII вв. (а)].
- Словарь русского языка XI–XVII вв. — М., 2015. — Вып. 30 [Сл. РЯ XI–XVII вв. (б)].
- Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. — М., 1989. — Т. 1. — Ч. 2 [СДРЯ (а)].
- Срезневский И.И. Указ. соч. — Т. 3. — Ч. 2 [СДРЯ (б)].
- Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. — М., 1934. — Т. 1 [ТСУ].
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — М., 1987. — Т. 4.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — М., 1994. — Т. 1 [Черных (а)].
- Черных П.Я. Указ. соч. — Т. 2 [Черных (б)].
- Этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. — М., 1975. — Т. II. — Вып. 6.

REFERENCES

- Bakhilina N.B. Istoriya tsvetooboznachenii v russkom yazyke, Moskva, 1975.
- Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar', Moskva, 2005.
- Vasilevich A. P., Kuznetsova S. N., Mishchenko S. S. Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke, Moskva, 2016.

Gvozdev Yu.A. Rasskazy o russkoi frazeologii. Kniga dlya vneklassnogo chteniya uchashchikhsya starshikh klassov, Moskva, 1988.

Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka, vol. 1, Moskva, 1955.

Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka, p. 4, Moskva, 1866.

Dostoevskii F.M. Sobr. soch.: in 12 vol., vol. 1, Moskva, 1982.

Mikhel'son M.I. Russkaya mysl' i rech', Moskva, 1997.

Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.), vol. III, Moskva, 1990.

Slovar' russkikh narodnykh govorov, issue 11, Leningrad, 1976.

Slovar' russkikh narodnykh govorov, issue 44, Sankt-Petersburg, 2011.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv., issue 5, Moskva, 1978.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv., issue 30, Moskva, 2015.

Sreznevskii I.I. Slovar' drevnerusskogo yazyka, vol. 1, p. 2, Moskva, 1989.

Sreznevskii I.I. Op. cit., vol. 3, p. 2.

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka, ed. D.N. Ushakov, vol. 1, Moskva, 1934.

Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka, vol. 4, Moskva, 1987.

Chernykh P. Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka, vol. 1, Moskva, 1994.

Chernykh P. Ya. Op. cit., vol. 2.

Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka, ed. N.M. Shanskiy, vol. II, issue 6, Moskva, 1975.

ХРОНИКА

Международная научно-практическая конференция «Преподавание, изучение и усвоение иностранного языка в контексте реализации средовой модели образования»

1–2 февраля 2018 г. в МПГУ состоялась Международная научно-практическая конференция «Преподавание, изучение и усвоение иностранного языка в контексте реализации средовой модели образования», посвященная научному наследию профессора Л.А. Дерibas. Конференция была организована кафедрой русского языка как иностранного в профессиональном обучении Института филологии МПГУ и приурочена к 90-летию со дня рождения известного ученого, автора учебных пособий по русскому языку, в том числе для иностранных учащихся, первого заведующего кафедрой РКИ МГПИ им. В.И. Ленина (ныне – МПГУ) профессора Лии Александровны Дерibas.

Мероприятие собрало ведущих специалистов в области преподавания русского языка как иностранного, преподавателей высших учебных заведений, учителей средних общеобразовательных школ, аспирантов, магистрантов, стажеров из Италии, Греции, Китая, Казахстана, а также из регионов Российской Федерации – Санкт-Петербурга, Астрахани, Чебоксар, Иванова.

На пленарном заседании и четырех секционных обсуждались проблемы преподавания, изучения и усвоения иностранного языка в контексте реализации средовой модели образования. В частности, рассматривались такие вопросы, как профессионально ориентированное обучение РКИ и иностранным языкам в современных условиях; влияние культурно-образовательной среды на процесс обучения иностранным языкам; эволюция средового подхода в лингводидактике; формирование коммуникативной, лингвистической, социолингвистической и лингвокультуроведческой компетенций в процессе межкультурного взаимодействия. В обсуждении докладов активно участвовали все присутствующие, в том числе магистранты, аспиранты, школьные учителя, преподаватели вузов.

Работу завершил круглый стол, на котором были подведены итоги конференции, высказаны слова благодарности и пожелания организаторам мероприятия, намечены перспективы работы по организации и проведению Международной научно-практической конференции в 2019 г.

Международная научно-практическая конференция «Преподавание, изучение и усвоение иностранного языка в контексте реализации средовой модели образования», посвященная научному наследию профессора Л.А. Дерibas, позволила объединить усилия ведущих деятелей, методистов и учителей в области преподавания русского языка как иностранного.

Е.В. Макеева, Ю.Б. Мартыненко,
кандидаты филол. наук, доценты МПГУ (Москва)